

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. Ф. Одоевский

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Школьная библиотека (Детская литература)

Владимир Одоевский
Городок в табакерке (сборник)

Издательство «Детская литература»

1841

Одоевский В. Ф.

Городок в табакерке (сборник) / В. Ф. Одоевский — Издательство «Детская литература», 1841 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В книгу входят знаменитые в свое время «Сказки дедушки Иринея», в которых рассказывается о жизни детей в XIX веке. Для среднего школьного возраста.

© Одоевский В. Ф., 1841

© Издательство «Детская
литература», 1841

Содержание

Обращение к читателю	6
СКАЗКИ ДЕДУШКИ ИРИНЕЯ	11
Серебряный рубль	11
Шарманщик	15
Разбитый кувшин	21
Городок в табакерке	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

V. F. Odoevsky

1804—1869

Владимир Федорович Одоевский

Городок в табакерке.

Сказки дедушки Иринея

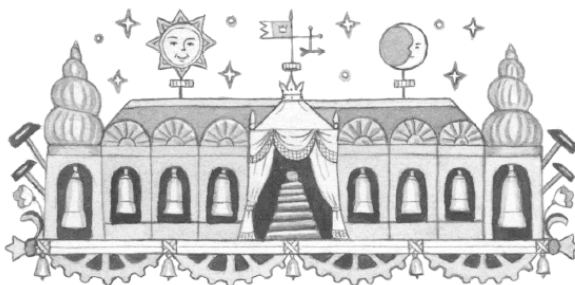
© Полозова Т. Д., вступительная статья, словарь, 2002

© Нефёдов О. Г., иллюстрации, 2002

© Оформление серии, составление. Издательство «Детская литература», 2002

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Обращение к читателю

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В твоих руках книга, в которой собраны произведения, созданные более 150 лет назад, еще в XIX веке. Дедушка Ириней – один из многих псевдонимов¹ писателя Владимира Федоровича Одоевского (1804–1869).

Принадлежал он к древнему русскому роду Рюриковичей. Владимир с детства был любопытен, много, увлеченно читал. Он усердно учился в Благородном пансионе Московского университета, основанного гениальным русским ученым и поэтом Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Успешно выполнил его «Подготовительно-энциклопедическую программу» и неустанно занимался дополнительно. Уже в детстве он прослыл энциклопедистом, то есть широко образованным человеком. Пансионат Владимир Одоевский закончил с золотой медалью.

В ученические годы В. Одоевский был увлечен разными науками, искусствами: философией и химией, математикой и музыкой, историей и музейным делом... Его кумиром был Михаил Васильевич Ломоносов. «Этот человек – мой идеал. Он тип славянского всеобъемлющего духа», – признавался Владимир Одоевский. Но более всего Одоевского привлекала словесность: русская речь, русская поэзия, литературное творчество, которое и стало делом его жизни. Однако, став известным писателем, он нередко менял профессиональные занятия. «Человек не должен... отказываться от той деятельности, к которой призывает его сопряжение обстоятельств его жизни», – говорил писатель. А жизнь Одоевского была интересной, эмоциональной, интеллектуально насыщенной.

Он входил в знаменитое общество Любомудров². Вместе с будущим декабристом В.К. Кюхельбекером издавал популярный в те годы альманах «Мнемозина». Его одаривали своим дружеским вниманием А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, композитор М. И. Глинка, ученый-критик «неистовый» Виссарион Белинский... Своей первой книге Владимир Федорович Одоевский дал такое название: «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным».

Буквально – мистификаторское название, но интересное. Когда станешь, друг мой, взрослым, прочти эту книгу. Получишь большое удовольствие! Одна из сказок названа именем мистического героя – «Игоша». Он – из рода шишимор, шишиг (это беспокойные озерные

¹ П с е в д о н и м – вымышленное имя, фамилия, которыми автор подписывает свое произведение.

² Произнеси неторопливо вслух это слово – любо-мудрие, то есть любование мудростью. В обществе собирались люди, умевшие и любившие мудрствовать, размышлять, рассуждать, обмениваться мыслями.

духи). Вот такой именно Игоша – безрукий, безногий, невидимый, озорной. Он ищет справедливость. Доставляет при этом немало беспокойства. Но в то же время заставляет уважать себя.

Эта фантастическая сказка В. Одоевского перекликается с сочинениями Эрнеста Теодора Амадея Гофмана – немецкого писателя (1776–1822). Родствен непоседа Игоша и Карлсону, который живет на крыше. Его придумала Астрид Линдгрен – замечательная шведская писательница, очень любимая детьми многих стран.

В. Ф. Одоевский любил детей. Он изучал педагогические идеи русских и зарубежных ученых. Создал свою теорию детства, пользовался ею, сочиняя сказки для детей. Писатель видел в ребенке не только потребность в быстром движении, в живой игре. Он ценил в нем склонность к размышлению, любознательность, отзывчивость. Его очень интересовало, что и как читают дети: с любовью или только по необходимости. Ведь сам он много и увлеченно читал, потому знал ценность книги и чтения. Не случайно и то, что книга «Сказки дедушки Иринея» была издана в годы писательской зрелости Одоевского, полного признания его таланта и читателями и критикой.

Первая детская сказка «Городок в табакерке» вышла еще в 1834 году. Только через шесть лет, в 1840 году, писатель подготовил отдельной книгой издание «Детских сказок дедушки Иринея». Но произошло недоразумение: из-за большого количества опечаток ее не выпустили в свет. Она появилась лишь в 1841 году, хотя в популярном тогда журнале «Отечественные записки» за 1840 год Виссарион Белинский уже опубликовал большую статью об этой книге.

Сказки не раз переиздавались и в XIX, и в XX веке. У тебя, мой друг, в руках издание XXI века. В него включено четырнадцать произведений. Когда ты их прочитаешь, пожалуйста, подумай: все ли их можно назвать сказками? Например, «Серебряный рубль», «Бедный Гнедко», «Отрывки из журнала Маши» (а может, и еще некоторые)? В них – картины вполне реальной жизни. Почему же добрый дедушка Иринея ставит в один ряд эти произведения с теми, которые самим названием настраивают на чтение именно сказки? Например, «Мороз Иванович», «Городок в табакерке»... С Морозом Ивановичем ты встречался, видимо, когда читал или слушал русские народные сказки. Табакерка, даже если она и большая, едва ли вместит в себя целый городок, пусть игрушечный. В сказке же все возможно. На то она и сказка.

Видимо, дедушка Иринея хотел заинтересовать, увлечь своего читателя, пробудить воображение, заразить фантазией. И одновременно побудить к собственным размышлениям тебя, мой друг, чтобы ты сам постарался вместе со сказочником Иринеем как бы включиться в жизнь героев, почувствовать интонацию повествования, услышать ласковый голос рассказчика. Дедушка Иринея хочет, чтобы ты при чтении был не сторонним наблюдателем, а как бы действующим лицом произведения. Мудрый Иринея знал, что рассказ становится сказочно увлекательным, необычным, если читатель переживает вместе с героями. Представь, что это ты лично слышишь звон колокольчиков, их разговор, путешествуя по городу в табакерке. Это ты лично вместе с Машей осваиваешь секреты ведения хозяйства. Это ты сам оскорблен поведением подруг Маши, унижающих одну из девочек за то, что она не из богатой семьи. Это ты преодолеваешь соблазн израсходовать все деньги на что-то очень для тебя приятное, желанное, а не на то, что нужно для дома. И конечно, отдаешь «отчет себе самому в своей жизни», руководствуясь голосом доброго сердца и «осердеченного» ума.

Главное при чтении – почувствовать добросердечие самого автора, дедушки Иринея. «А какой чудесный старик! Какая юная, благодатная душа у него! Какою теплотою и жизнью веет от его рассказов и какое необыкновенное искусство у него заманить воображение, раздразнить любопытство, возбудить внимание иногда самым, по-видимому, простым рассказом! Советуем, любезные дети, получше познакомиться с дедушкой Иринеем... Если вы пойдете с ним гулять – вас ожидает величайшее удовольствие: вы можете бегать, прыгать, шуметь, а он между тем будет рассказывать вам, как называется каждая травка, каждая бабочка, как они

рождаются, растут и, умирая, снова воскресают для новой жизни» – так писал великий критик В. Белинский о книге, которая у тебя в руках.

Что ж, мой дорогой читатель, попутешествуй вместе с писателем и далее по страницам его сочинений. Вот сказка «Червячок». До публикации в сборнике сказок дедушки Ириней она была напечатана еще в 1835 году в «Детской книжке для воскресных дней». Всего несколько страниц посвящено истории появления на свет червячка, его краткой жизни, перерождению в бабочку. Короткая, изящная зарисовка. В ней одна из вечных идей – о бессмертии души и о жизни после смерти. А сколькими удивительными наблюдениями своими поделился с нами внимательный и мудрый экскурсовод Ириней. Вот мы вместе с Мишей и Лизанькой увидели шевелящегося червячка: «...на листке цветущего кустарника, под легким прозрачным одеяльцем, похожим на хлопчатую бумагу, в тонкой скорлупке лежал червячок. Уже давно лежал он там, давно уже ветерок качал его колыбельку, и он сладко дремал в своей воздушной постельке. Разговор детей пробудил червячка; он просверлил окошко в своей скорлупке, выглянул на Божий свет, смотрит – светло, хорошо, и солнышко греет; задумался наш червячок».

Так рисует и передает нам автор не только факт рождения червячка, но и движение его мысли, его ощущение жизни: «...светло, хорошо, и солнышко греет...» Приятно. Но зачем же надо было появляться здесь? «Неужели, в самом деле, мне целый век лежать в моей постельке да смотреть на занавеску?» «Может быть, я на что и другое гожусь?» Именно это нам интересно: на что же сгодится червячок? Всего-то червячок, но как рассуждает?! Как продуманно, если не сказать разумно, действует, открывая свои возможности, а в итоге – как бы размышляет и о своем назначении в этом личном мирке. Вот он даже паутинку на листок закинул, чтобы ветер его не унес куда не надо. Действует червячок, не пассивен он: «Сглотал он листок, на другой потащился, а потом на третий. Весело червячку! Ветер ли пахнёт, он прикорнет к паутинке; тучка ли набежит, его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печет, он под листок, да и смеется над солнцем, насмешник!»

Заметим: перед нами конкретная, видимая, ясная картина. Одновременно для нас, читателей, она – источник полезных знаний о жизни природы. О взаимодействии, о взаимозависимости всего живого. Это представление о гармонии.

Вот наш червячок «начал важную работу в своей жизни». В стремлении «быть чем-нибудь лучше» спустился с листка и стал искать тенистое место. Червячок «готовился умереть и строил себе могилу!». «Но недолго спал червячок!» – обращаясь к нам, читателям, утверждает дедушка Ириней. Природа мудра, щедра, бесконечна в своем развитии. У червячка появились «большие, радужные крылья, он жив, свободен; он гордо поднимается на воздух»... Вот уже прелестная бабочка весело совершает свой полет.

Так, общаясь с интересным, широко образованным писателем, мы делаем немало открытий для себя, приобретаем новые знания. Убеждаемся, что прекрасное – рядом. Но чтобы испытать радость открытия, надобно не только смотреть, но и уметь видеть; не только слушать, но и слышать голоса окружающего нас живого мира.

Дедушка Ириней убеждает: прекрасное и значимое часто для человека неделимо. Не случайно вслед за исповедальной сказкой «Червячок» идет небольшая поэтическая зарисовка «Житель Афонской горы». Так называл мудрый сказочник увиденный здесь «прекрасный цветок»: «...и такой он красивый, и такой от него запах». В первый момент измученный неудачами лечения чумы благочестивый ученый подумал: вот живет лишь ради самого себя цветок; он и красив, и ароматен. Сегодня бы мы сказали: живет себе без проблем. Ан нет. Вглядевшись в цветок, лекарь увидел: «...внутри цветка – мертвая пчела». Трудолюбивое насекомое, собирая цветочную пыльцу, погибло прямо в цветке. Пчела трудилась «не для себя, а для других». Ей никто не говорил спасибо за верность своему делу, очень нужному для других. И цветок рас-

тет на Афонской горе³ не для того, чтобы красоваться собой. Не зря же к нему летали пчелы. Цветок приносит пользу людям. Понял все это отчаявшийся было человек и вновь обрел свою радость: «И снова начал лекарь собирать целебные травы, и снова до пота лица стал ходить по хижинам и помогать больным, утешать умирающих».

Владимир Федорович Одоевский много путешествовал, встречался с разными людьми. Жизнь убедила его: главное назначение человека – творить благо. И не только человека. Единое чувство беды, горя и у солнца, и у людей – доказывает нам писатель. Умение, труд – всегда подмога и себе, и другим. В этом – источник земной и космической гармонии. Именно такое понимание своего назначения помогло мальчику Андрею – столяру и сыну столяра – стать не просто нужным человеком, но даже известным, ученым и архитектором. Будешь читать о нем рассказ «Столяр» – обрати внимание, как тепло и уважительно говорит о нем автор. Когда же работники смеялись над ним за то, что он тяжким трудом заработанные деньги тратит на книги и, вместо отдыха в обеденный перерыв, вечерами и воскресеньями читает их, автор замечает сочувственно: «Каково было бедному Андрею!» Зная, что лицо бывает привлекательным тогда, когда оно освящено добрым умом и умным сердцем, писатель предлагает «заметить, что у тех людей, которые много учатся, всегда лицо само собою делается умным и привлекательным, оттого что на лице человека выходит все, что он думает и чувствует... Наш Андрей был умный, добрый мальчик и любил учиться; на лице у него это все так и было выпечатано». Писатель, говоря об Андрее, приближает его к себе и к нам, читателям: «*Наш Андрей*», «*наш Андрей* осмелился представить Академии свое сочинение», Академия воздавала «похвалы *нашему* Андрею».

В речи дедушки Иринейя много тепла, ласки, нежности. Немало и неожиданных для нас с тобой, читатель, слов. Сочинитель любил, ценил народную речь. Прекрасно знал народные сказки, поговорки, изречения. Некоторые его произведения, например сказка «Мороз Иванович», очень близки народным сказкам: в них одинаковые сюжеты, одни и те же герои, события...

Однако есть и отличительное в сказке «Мороз Иванович» дедушки Иринейя. Его рукодельница – творческая личность. Поэтому ей свойственно делопроизводство, придумка, особая наблюдательность, склонность к размышлению. Она придумала, что питьевую воду хорошо бы очистить и сделать ее «хрустальной». Девочка удивляет умного Мороза Ивановича своими вопросами. Из их беседы мы узнаем о пользе снега, о первой помощи при обморожении... Очень приятно звучат в речи героев многие уже почти забытые нами слова: *студенец* (колодец); *совесть не зазрит*...

А теперь давайте вернемся к вопросу: все ли помещенные в этой книге произведения – сказки? Ведь сборник назван автором – «Сказки дедушки Иринейя». Интересен этот вопрос вот почему. Только ли в сказках случается необычное? Только ли в сказке маленький человек может оказаться сильнее великана и какой-нибудь Бабы Яги? Когда тебя, мой друг, еще не было на свете, часто звучала песня, которая начиналась словами: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Может, слишком уж самонадеянно: «*сказку сделать былью...*» Но многое-многое казавшееся сказочным становилось и становится реальностью.

Василий Федорович Одоевский жил, как ты уже знаешь, в первой половине XIX века. Был он мечтателем. Хотел, чтобы все дети поверили в мечту, надеялся, что она может стать реальностью.

Вспомним сказку «Сиротинка». Тяжелая жизнь была у бедной сиротинки Насти, однако она не только сама выжила, но и создала своеобразное общество благодати и радости для многих бедных детей и их родителей. Произведение заканчивается трагично: «И не стало на земле

³ Афонская гора, Афон-гора – святая гора на северо-востоке Греции.

сиротинки..» А в душе остается тепло, благодарное умиление силой воли, упорством, участливостью Настеньки к бедам других. Этого ради и написано произведение.

Все сказки доброго дедушки Иринея – диалог с нами. Сочинитель обращается к каждому читателю, даже если текстуально этого обращения нет. Писатель хочет, чтобы мы почувствовали его заботу, чтобы разделили его веру в добро, в единство всего живого на земле и даже в космосе. Он обращается к нам, надеясь, что мы услышим его.

Одна из самых привлекательных, на мой взгляд, сказок этого сборника – «О четырех глухих». Написана она на основе индийского фольклора. Сказка кажется смешной: может ли быть иначе, если разговаривают люди, которые глухи, ведь думают они каждый о своем. Одновременно сказка глубоко иронична. Ее вывод – достаточно философский: «Сделайте милость, друзья, не будьте глухи! Уши нам даны для того, чтобы слушать. Один умный человек заметил, что у нас два уха и один язык и что, стало быть, нам надобно больше слушать, нежели говорить!» Слушать и понимать друг друга. Да будет так.

*Тамара Полозова,
профессор, член-корреспондент
Российской Академии образования*

СКАЗКИ ДЕДУШКИ ИРИНЕЯ

Серебряный рубль

Дедушка Ириней очень любил маленьких детей, т. е. таких детей, которые умны, слушают, когда им что говорят, не зевают по сторонам и не глядят в окошко, когда маменька им показывает книжку. Дедушка Ириней любит особенно маленькую Лидиньку, и когда Лидинька умна, дедушка дарит ей куклу, конфетку, а иногда пятак, гривенник, пятиалтынный, двухгривенный, четвертак, полтинник. Вы, умные дети, верно, знаете, какие это деньги?

Однажды дедушка Ириней собрался ехать в дорогу на целый месяц; вы знаете, я чаю, сколько дней в месяце и сколько дней в неделе? Когда дедушка Ириней собрался в дорогу, Лидинька очень плакала и считала по пальцам, сколько дней она не увидит дедушку.

Дедушка утешал Лидиньку и говорил ей, что если она будет умна, то он приедет скорее, нежели она думает.

— А на память, — сказал дедушка, — я оставлю тебе серебряный рубль и положу его вот здесь, на столе, перед зеркалом. Если ты весь месяц хорошо будешь учиться и учителя запишут в твоей тетрадке, что ты была прилежна, то возьми этот рубль — он твой; а до тех пор пусть он лежит на столе; не трогай его, а только смотри; а смотря на него, вспоминай о том, что я тебе говорил.

С этими словами дедушка положил на стол перед зеркалом прекрасный новенький рубль.

Дедушка уехал; Лидинька поплакала, погоревала, а потом, как умная девочка, стала думать о том, как бы дедушке угодить и хорошенько учиться.

Подошла она к столу полюбоваться на светленький серебряный рубль; подошла, смотрит и видит, что вместо одного рубля лежат два.

– Ах, какой же дедушка добрый! – сказала Лидинька. – Он говорил, что положит на стол только один рубль, а вместо того положил два.

Долго любовалась Лидинька, смотря на свои серебряные рублики; тогда же светило солнышко в окошко прямо на рублики, и они горели, как в огне.

Надобно правду сказать, что Лидинька очень хорошо училась, во время ученья забывала о своих рублях, а слушала только то, что ей говорил учитель. Но когда вечером она легла в постельку, то не могла не подумать о том, что она теперь очень богата, что у нее целых два серебряных рубля, а как Лидинька прилежно училась считать, то она тотчас сочла, что у нее в двух рублях 20 гривенников; никогда еще у нее не бывало такого богатства. Куда девать целых два рубля? Что купить на них? Тут Лидинька вспомнила, что видела она в лавке прехорошенькую куклу; только просили за нее очень дорого – целых полтора серебряных рубля, то есть рубль с полтиною. Да вспомнила она также, что ей понравился маленький наперсток, за который просили 40 копеек серебром; да вспомнила еще, что она обещала бедному хромоту, который стоит у церкви, целый гривенник, когда он у нее будет, за то, что Лидинька, выходя из церкви, уронила платок и не заметила этого, а бедный хроменький поднял платок и, несмотря на то что ему ходить на костылях очень было трудно, догнал Лидиньку и отдал ей платок. Но тут Лидинька подумала, что уж целая неделя прошла с тех пор, как она обещала хроменькому гривенник, и что теперь очень бы хорошо было бы дать хроменькому два гривенника вместо одного за долгое жданье. Но если хроменькому дать два гривенника, то тогда неостанет денег на куклу и наперсток, а наперсток был Лидиньке очень нужен, потому что она была большая рукодельница и сама шила платье для своих кукол. Подумав немножко, Лидинька рассудила, что у нее и старая кукла еще очень хороша, а что только нужно ей купить кроватку, за которую просили рубль серебряный. Лидинька и рассчитала, что если она заплатит за кроватку рубль, за наперсток сорок копеек да нищему даст два гривенника, то еще денег у нее останется. А много ли у Лидиньки останется еще денег? Сочтите-ка, дети.

Между тем Лидинька думала, думала да и започивала, и во сне ей все снилась лавка с игрушками, и казалось ей, что кукла ложилась в кроватку и приседала, благодаря Лидиньку за такую хорошую кроватку; и снилось ей, что наперсточек бегал по столу и сам вскакивал к ней на пальчик и что с ним и хроменький прыгал от радости, что Лидинька дала ему два гривенника.

Поутру Лидинька проснулась и стала просить горничную:

– Душенька, голубушка, сходи в гостиную, там дедушка на стол положил для меня два рубля серебряных. Они такие хорошенькие, новенькие, светленькие. Принеси мне на них полюбоваться.

Даша послушалась, пошла в гостиную и принесла оттуда рубль, который дедушка положил на столе.

Лидинька взяла рубль.

– Хорошо, – сказала она, – ну, а другой-то где ж? Принеси и другой; мне хочется послушать, как они звенят друг об друга.

Даша отвечала, что на столе лежит только один рубль, а что другой, верно, украли.

– Да кто же украл? – спросила Лидинька.

Даша засмеялась.

– Воры ночью приходили да и украли его, – отвечала она.

Лидинька расплакалась и побежала к маменьке рассказывать про свое горе, как дедушка положил для нее два рубля на стол и как Даша говорит, что ночью воры приходили и один рубль украли.

Маменька позвала Дашу. О чем она говорила с Дашей, Лидинька не могла хорошенько понять, но, однако ж, заметила, что маменька говорила очень строго и винила Дашу, как будто Даша сама взяла. От этих слов Даша расплакалась.

Лидинька не знала, что и придумать.

Между тем пришел учитель. Лидинька должна была отереть слезы и приняться за ученье, но она была очень грустна. Между тем рубль положила опять на то же место, где положил его дедушка.

Когда кончилось ученье, Лидинька печально подошла к столу полюбоваться на свой оставшийся рублик и подумать, как растянуть его, чтобы достало его на наперсток, хроменькому и на маленькую тяжелую подушку, на которую бы можно было прикалывать работу, которая также очень нужна была для Лидиньки.

Лидинька подошла к столу и вскрикнула от радости: перед ней опять были оба рублика.

– Маменька, маменька! – закричала она. – Даша не виновата, мои оба рублика целы.

Маменька подошла к столу.

– Какая же ты глупая девочка, – сказала она. – Разве ты не видишь, что один рублик настоящий, а другой ты видишь в зеркале, как ты видишь себя, меня и все, что есть в комнате. Ты не подумала об этом, а я тебе поверила и винила Дашу, что она украла.

Лидинька снова в слезы, побежала скорее к Даше, бросилась к ней на шею и говорила ей:

– Даша, голубушка, я виновата, прости меня, я глупая девочка, наговорила маменьке вздор и подвела тебя под гнев. Прости меня, сделай милость.

С тех пор Лидинька больше не думала о рубле, а старалась прилежно учиться. Когда же встречалась с Дашей, то краснела от стыда.

Через месяц приехал дедушка и спросил:

– А что, Лидинька, заработала ли ты рубль?

Лидинька ничего не отвечала и потупила глазки, а маменька рассказала дедушке все, что случилось с рублем.

Дедушка сказал:

– Ты хорошо училась и заработала свой рубль, он твой, бери его; а вот тебе и другой, который ты видела в зеркале.

– Нет, – отвечала Лидинька, – я этого рубля не стою; я этим рублем обидела бедную Дашу.

– Все равно, – отвечал дедушка, – и этот рубль твой.

Лидинька немножко подумала.

– Хорошо, – сказала она, запинаясь, – если рубль мой, то позвольте мне...

– Что, – сказал дедушка.

– Отдать его Даше, – отвечала Лидинька.

Дедушка поцеловал Лидиньку, а она опрометью побежала к Даше, отдала ей рубль и попросила разменять другой, чтобы снести два гривенника бедному хромоту.

Шарманщик

Как вы счастливы, любезные дети! У вас есть маменьки, которые о вас заботятся: чего бы вы ни захотели, что бы вы ни задумали, – все готово для вас. Несколько глаз смотрят за каждым вашим шагом. Подойдете близко к столу, – несколько голосов на вас кричат: берегись!.. – не ушибись!.. Вы занемогли, – маменька в беспокойстве, весь дом в хлопотах: являются и родные, и доктор, и лекарства: маменька не спит ночью над вами, заслоняет вас от ветра, а когда вы заснете в своей мягкой постельке, тогда никто в доме не смей пошевелиться. Едва вы проснетесь – маменька улыбается вам, и приносит вам игрушки, и рассказывает сказочки, и показывает книжки с картинками. Как вы счастливы, милые дети! Вам и в голову не приходит, что есть на свете другие дети, у которых нет ни маменьки, ни папеньки, ни мягкой постельки, ни игрушек, ни книжек с картинками. Я расскажу вам повесть об одном из таких детей.

Ваня, сын бедного органного музыканта (одного из тех, которых вы часто встречаете на улице с органами или которые входят во двор, останавливаются на морозе и забавляют вас своею музыкою), Ваня шел рано поутру с Васильевского острова в Петропавловскую школу. Не безделица была ему, бедному, поспевать каждый день к назначенному времени. Отец его жил далеко, очень далеко, в Чекушах. Ваня в этот день вышел особенно рано; ночью слегка морозило, льдинки хрустели под ногами бедного Вани, который в одной курточке перепрыгивал с камешка на камешек, чтобы лучше согреться. Несмотря на то, он был весел, прикусывал хлеб, который мать положила ему в сумку, повторял урок, который надобно ему было сказать в классе, и радовался, что знает его хорошо, – радовался, что в это воскресенье не оставят его в школе за наказание, как то случилось на прошедшей неделе; больше у него ничего не было в мыслях. Уж он перешел через Синий мост, прошел Красный и быстро бежал по гранитному тротуару Мойки, как вдруг Ваня за что-то запнулся, смотрит, – перед ним лежит маленький ребенок, закутанный в лохмотья. Ребенок уже не кричал: губки его были сини; ручки, высушившиеся из лохмотьев, окостенели. Ваня очень был удивлен такой находкой; он посмотрел вокруг себя, думая, что мать ребенка оставила его тут только на время, но на улице никого не было. Ваня бросился к ребенку, поднял его и, не зная, что делать, стал было целовать его, но испугался, – ему показалось, что он целует мертвого. Наконец ребенок вскрикнул, Ваня очень этому обрадовался, и первая мысль его была – отнести его к себе домой; но, прошедши несколько шагов, он почувствовал, что эта ноша была для него слишком тяжела, и сверх того он заметил, что его найденыш дрожал и едва дышал от холода. Ваня был в отчаянии. Он скинул с себя курточку, накинул ее на младенца, тер у него руки, но все было напрасно: ребенок кричал и дрожал всем телом. Посмотрев снова вокруг себя с беспокойством, он увидел стоявшего близ дома сторожа, который хладнокровно смотрел на эту сцену. Ваня тотчас подошел к нему с своею ношею.

– Дядюшка, – сказал он, – пригрей ребенка.

Но сторож, чухонец, не понимал слов его и только качал головою. Ваня сказал ему то же по-немецки. Маймист опять его не понял. Ваня не знал, что делать; он видел, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенелого ребенка. В это время из дома вышел какой-то господин и, увидев Ваню, спросил его:

– Чего ты хочешь, мальчик?

– Я прошу, – отвечал Ваня, – чтоб взяли и согрели этого ребенка, пока я сбегая за батюшкой.

– Да где ты взял этого ребенка? – спросил незнакомец.

– Здесь на тротуаре, – отвечал Ваня.

Господин взял ребенка на руки и дал знак Ване, чтоб он за ним следовал. Они вошли в дом. Незнакомец спросил у Вани:

– Для чего ты хочешь идти за своим отцом?

– Для того, – отвечал Ваня, – что мне одному не донести до дому этого ребенка.

– Да кто ты?

– Я сын органного музыканта.

– Так твой отец должен быть очень беден?

– Да, – отвечал Ваня, – мы очень бедны. Батюшка ходит по городу с органом, матушка учит собачек плясать; тем мы и кормимся.

– Ну, так где же ему содержать еще ребенка! Оставь его здесь. – Ваня был в недоумении. Незнакомец, заметив это, сказал: – Говорю тебе, оставь его здесь: ему здесь будет хорошо.

Между тем, как они говорили, вошедшая в комнату женщина раздела ребенка, вытерла его сукном и начала кормить грудью. Ваня видел, как заботились о его найденыше; он понимал, что незнакомец говорил ему правду и что отцу его невозможно будет содержать нового питомца; но все ему жаль было с ним расстаться.

– Позвольте мне, – сказал он сквозь слезы, – хоть иногда навещать его?

– С радостью, – отвечал ему незнакомец, – и я тебе дам средство узнавать его между другими.

– Как между другими? – спросил Ваня.

– Да, – отвечал незнакомец, – таких детей здесь много; пойдем, я тебе их покажу.

Незнакомец отворил дверь, и Ваня с чрезвычайным удивлением увидел пред собою ряд больших комнат, где множество кормилиц носились с младенцами: иные кормили их грудью, другие завертывали в пеленки, третьи укладывали в постельку. Это был Воспитательный дом – благотворительное заведение, основанное императрицею Екатериною II. Я называю ее, любезные дети, чтоб это имя врезалось в сердце вашем. Впоследствии, учась истории, вы узнаете много славных дел в ее жизни, но ни одно из них не может сравниться с тем высоким христианским чувством, которое внушило ей быть матерью сирот беспомощных. До нее несчастные дети, брошенные бедными или жестокосердыми родителями, погибали без призрения. Она призрела их и назвала себя их матерью.

Когда Ваня с незнакомцем возвратились снова в прежнюю комнату, Ваня увидел, что его найденыш был уже и обмыт, и обвит чистыми пеленками.

– Что? Найдено ли что в лохмотьях? – сказал незнакомец кормилице.

– Ничего, – отвечала кормилица.

Тогда незнакомец велел принести крест с номером и написал на особенном листке: «№ 2332 младенца, принесенного 7 ноября 18.. года сыном органного музыканта, Карла Лихтенштейна, Иваном, в С.-Петербургский Воспитательный дом» и проч.

И долго еще после того Ваня навещал своего найденыша, которому дали имя Алексей.

Алексей скоро привык узнавать Ваню и, когда Ваня входил, протягивал к нему свои ручонки.

Много лет протекло с тех пор. Надобно вам сказать, что отец Вани в молодости был музыкальным учителем; он давал уроки на фортепиано и на скрипке и тем добывал для себя и для семейства безнуждное содержание. Продолжительная болезнь лишила его учеников; когда он несколько выздоровел, место его во всех домах было уже занято другими учителями; новых учеников он не находил, а если и находил, то ненадолго, ибо возобновлявшиеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсем не приходило к урокам. Мало-помалу Лихтенштейн впадал в нищету, мало-помалу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобы достать денег на хлеб, и, наконец, он принужден был приняться за ремесло уличного музыканта. Года четыре спустя после рассказанного нами происшествия с Ваней отец его, думая больше выручить денег по разным городам, нежели в Петербурге, отправился в путь вместе с своею женою и Ванею. Они ездили по ярмаркам; отец с сыном показывали марионетки, мать вертела орган. Иногда же на долю Вани доставалось вертеть орган; тогда мать играла на арфе, а отец на скрипке. Переход от безнужного состояния к крайней нищете вконец расстроил здоровье стариков.

Впоследствии, от трудов ли, от того ли, что часто принужден был отказывать себе во всем нужном, от недостатка ли в пище, в одежде, — отец Вани так занемог, что не был более в состоянии даже вертеть орган. Ваня с матерью на последние деньги купили лошадь с телегою и на ней перевозили из города в город больного Лихтенштейна, ибо когда они долго оставались в одном городе, то скоро сбор их прекращался, и они принуждены были выезжать в другое место; что они получали, то употребляли себе на пищу. Как часто Ваня, оставляя отца своего без куска хлеба, сам голодный, дрожа от стужи, промоченный до костей, сквозь слезы заставлял кукол своих хохотать или, показывая китайские тени, рассказывал забавные истории и тешил ими своих маленьких зрителей; а часто случалось, что зрители были недовольны им, находили картинки стертыми, стекло не довольно светлым. Смерть была на душе у Вани, а он принужден был выдумывать остроумные ответы, смешные анекдоты, чтобы как-нибудь укротить гнев маленьких настойчивых судей своих, от которых зависела жизнь его отца, его матери, его самого.

Любезные дети! Вы не знаете, что такое смеяться сквозь слезы, и вы, может быть, не поймете, как у Вани было тяжело на сердце.

Бедное семейство наконец решилось возвратиться в Петербург, где, по старой привычке, они снова надеялись получить больше пособия. Отец Вани не доехал до Петербурга; он умер на дороге. Похоронив его, как могли, поплавав, погрузив, Ваня с матерью продолжали свой путь и наконец дотащились до Петербурга. По счастью, нашли они на старой своей квартире некоторых из прежних своих товарищей, которые с радостью приняли их в свою артель. Ваня от природы был слаб здоровьем; ему было уж лет двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять за старика: так беспрестанная нужда и горесть изнурили его; часто и сам он не мог выходить, часто не мог и оставить мать свою. Товарищи на них роптали, упрекая Ваню в лени, и когда он с матерью садился за скудный обед, почти каждый кусок хлеба дорого им доставался.

Однажды после долговременной ее болезни, которая требовала беспрестанного присутствия Вани, сотоварищи его объявили ему, что ежели он в этот день не заработает сколько-нибудь денег, то они не дадут ни крохи хлеба ни ему, ни его матери, а на другой день сгонят их с квартиры. Крепя сердце, полубольной, Ваня с трудом взвалил на плечи тяжелый орган и вышел из дому на шумные петербургские улицы. Кто бы из проходящих подумал, слушая веселую песню, которую он наигрывал на органе, что в этом человеке жизнь боролась со смертью и что самые черные мысли проходили в его голове и сердце. В этот день Ваня был особенно несчастлив: тщетно проходил он мимо домов, показывая сидевшим у окна детям свои прыгающие куколки; тщетно входил во дворы и до изнеможения сил вертел рукоятку своего осиплого инструмента, — никуда его не позвали, ни гроша денег ему не было брошено! Уже поздно к вечеру Ваня, с отчаянием в сердце, возвращался домой; ужасная участь его ожидала: оставалось ему заложить свой орган, единственное средство к пропитанию, потом проесть вырученные за то деньги, потом умереть с голоду. Когда Иван проходил чрез перекресток многолюдной улицы сквозь толпы народа, проскакали сани и зашибли женщину, шедшую подле Вани. Женщина упала без памяти. Ваня, движимый чувством сострадания, бросился к ней на помощь. Столпился народ, явились полицейские служители; сани были уже далеко. Одни в толпе кричали, что сани задели женщину, другие толковали, что органщик, попятившись, зашиб ее своим органом; сама женщина была без языка. Ваня найден наклонившимся над нею; к тому же он, как ближайший свидетель, мог точнее рассказать, как было дело, и полицейские служители рассудили взять вместе с зашибленной женщиною и органщика. Ваня знал свою невинность и был уверен, что его продержат недолго, но это «недолго» могло быть дня два или три, а в продолжение этого времени что могло случиться с его матерью? В этот день и так уже у нее не было ни куска хлеба, а назавтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на мороз больную, едва дышащую мать его. Тщетно он уверял в своей невинности, тщетно упрашивал — полицейский служитель готов уже был связать ему руки назад, когда его остановил человек, хорошо одетый, который давно уже наблюдал эту сцену и приблизился в ту минуту, когда для органщика не было уже спасения. Он остановил полицейского служителя, сказал ему свое имя и квартиру, прибавил, что он был свидетелем не только невинности, но даже великодушного

поступка органщика, и, после долгих переговоров, убедил блюстителя благочиния отдать ему Лихтенштейна на поруки. Убежденный ли его словами или потому, что он знал в лицо незнакомца, полицейский служитель согласился на его предложение. Когда бедный Ваня избавился от рук своего страшного неприятеля, тогда незнакомец сказал ему:

– Ну, теперь ступай своей дорогой, да скорее.

Ваня, поблагодарив незнакомца за его участие, сказал ему:

– Милостивый государь! Вы мне сделали благодеяние большее, нежели вы думаете, но оно будет для меня ничем, если вы мне еще не поможете.

– Что тебе надобно? – спросил незнакомец.

– Вы, я вижу, человек добрый, – продолжал Ваня. – Дайте мне денег.

– Не стыдно ли тебе, молодому человеку, просить милостыню? Ты можешь работать.

– Если б мог, то не просил бы у вас! Сегодня уже поздно работать, а мне деньги нужны сегодня! – отвечал Ваня отчаянным голосом.

Этот голос поразил незнакомца.

– Где ты живешь? – спросил он.

– В Чекушах, в доме мещанки Р***.

– Как спросить тебя?

– Спросите органщика Лихтенштейна.

– Лихтенштейна? – вскричал незнакомец, положил руку на голову и задумался. Пристально посмотрел он на Ваню и сказал: – Вот тебе пять рублей; постарайся завтра поутру быть дома, я приду к тебе.

– Ко мне? – вскричал в изумлении Ваня; так удивило его столь небывалое участие в судьбе его.

Они расстались.

На другой день Ваня печально сидел у постели своей больной матери. Вчерашняя его ходьба, случившееся с ним происшествие, все это так расстроило его, что он едва держался на полуразвалившейся скамье. Пять рублей были отданы в общую артель: они едва уплачивали то, что следовало за прожитое матерью и сыном. Не надеялся он на посещение незнакомца; не раз уже с ним бывали подобные случаи; часто люди, тронутые его выразительною физиономиею, также расспрашивали о его житье-бытье, его квартире – и забывали; ибо много людей на свете, которые и способны пожалеть о судьбе несчастного, но много ли таких, которые будут помнить о ней и возьмут на себя труд докончить доброе дело?

Но на этот раз Ваня обманулся. Еще не благовестили к обедне, когда вчерашний незнакомец вошел в темную каморку Вани. Ваня как будто оторопел: ему было стыдно своей бедности; он хотел и не смел предложить гостю единственный изломанный стул, стоявший в комнате, но гость скоро прекратил его недоумение.

– Скажи мне, – сказал он трепещущим голосом, – сколько тебе лет?

– Тридцать, – отвечал Ваня.

– О, так это не то, – сказал с горестию незнакомец, – скажи мне, не было ли у тебя отца или какого родственника, который когда-нибудь жил на этой квартире?

– Отец мой жил здесь, – отвечал Ваня, – но он уже умер.

– Не его ли звали Иван Лихтенштейном? – спросил незнакомец.

– Нет, – отвечал Иван, – но так меня зовут.

– Знаешь ли ты, – продолжал незнакомец с ежеминутно возрастающим волнением, – номер две тысячи триста тридцать два Воспитательного дома?

Дрожа сам не зная отчего, Ваня в истертом книжнике отыскал записку, более двадцати лет тому назад полученную им из Воспитательного дома, и показал незнакомцу.

Едва молодой человек взглянул на нее, как бросился в объятия Вани:

– Спаситель мой!.. Отец.

– Как!.. Неужели? – говорил Ваня прерывающимся голосом. – Вы... Ты!.. Алеша!

И оба они плакали, и оба долго не могли выговорить ни слова.

Для объяснения сей истории нужно прибавить, что Алеша, найденный Ванею и воспитанный в Воспитательном доме, показал необыкновенные дарования к живописи. Из Воспитательного дома он поступил в академию и скоро сделался известным живописцем. Нажив достаточное состояние своим искусством, он вспомнил о том, кому должен был жизнью. По журналу Воспитательного дома, в котором записываются все обстоятельства, случившиеся при поступлении в оный младенцев, ему легко было узнать и имя Лихтенштейна, и его квартиру; но когда он наведывался о нем, тогда Лихтенштейнов не было уж в Петербурге, и никто не мог дать ему ни малейшего о них известия, пока случай не свел его с своим избавителем.

Ваня вместе с матерью переселился к своему Алеше. Спокойная жизнь и довольство возвратили здоровье несчастным, и они до сих пор живут вместе. Иван, вспомнив некоторые уроки музыки, переданные ему отцом, посвятил себя сему искусству и достиг до того, что теперь сам может давать в ней уроки и тем увеличивать общие доходы.

Разбитый кувшин Ямайская сказка⁴

Жили-были на сем свете две сестрицы, обе вдовы, и у каждой было по дочери. Одна из сестер умерла и дочь свою оставила сестре на попечение; но эта сестра была нехорошая женщина: с дочерью своей она была добра, а с племянницей зла. Бедная Маша! – так называли племянницу – горькое было ее житье: доставалось ей и от тетушки, и от сестрицы; словно раба она была у них в доме. Вот однажды, на беду, Маша разбила кувшин. Как узнает об этом тетка – вон из дому, да и только, пока не сыщется другого кувшина! А где сыскать? Вот Маша идет да плачет; вот дошла она до хлопчатого дерева⁵, а под деревом сидит старуха, да еще какая! – без головы! Без головы – не шутка сказать! Я думаю, Маша порядочно удивилась, а особенно когда старуха ей сказала:

- Ну, что ж ты видишь, девочка?
- Да я, матушка, – отвечала Маша, – ничего не вижу.
- Вот добрая девушка, – сказала старуха, – ступай своей дорогой.

И вот опять Маша идет путем-дорогою; вот дошла она до кокосового дерева⁶, а под деревом сидит также старуха и также без головы; то же спросила она у Маши, то же отвечала ей Маша, и того же старуха ей пожелала.

И опять идет Маша да плачет; долго идет она, и уж голод ее мучит. Вот дошла она до красного дерева⁷, и под деревом сидит третья старуха, но уж с головой на плечах. Маша остановилась, поклонилась и сказала:

- По добру ли, поздорову, матушка, поживаешь?
- Здорово, дитяtko, – отвечала старуха, – да что с тобой? Тебе будто не по себе.
- Матушка, есть хочется.

⁴ Сказку эту рассказывали негры острова Ямайки в то время, когда они состояли в рабстве; теперь рабство негров уничтожено. Ямайка, один из Антильских островов, открытых Колумбом в 1494 году, принадлежит англичанам. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

⁵ Хлопчатник – дерево или кустарник, доставляющий хлопок. Плод хлопчатника имеет вид небольшого шарика, обтянутого шелухой; в нем лежат семена, обвитые белым мягким пухом, который называется хлопком. При созревании плода шелуха, покрывающая его, лопается, и хлопок обнаруживается. Его собирают, сушат на солнце, очищают от шелухи и семян и укладывают в тюки. Из него выделывают вату или хлопчатую бумагу и разные материи, известные под названием бумажных: ситец, колленкор, кисею, плис и пр. Хлопок – самый выгодный из всех продуктов, употребляемых для тканей, поэтому и выделяемые из него материи отличаются дешевизною, доступною для всех классов народа. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

⁶ Дерево, на котором растут кокосовые орехи. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

⁷ Дерево, досками которого обклеивают мебель. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

– Войди, дитятко, в избушку; там есть пшено в горшке; поешь его, дитятко, да смотри, черного кота не забудь.

Маша послушалась, вошла в избушку, взялась за горшок с пшеном, смотрит, а черный кот шаст к ней навстречу. Маша с ним честно поделилась пшеном; кот покушал и пошел своей дорогой. Не успела Маша оглянуться, как перед ней очутилась хозяйка дома в красной юбке.

– Хорошо, дитятко, – сказала она, – я тобою довольна; поди же ты в курятник и возьми там три яичка; но тех, которые говорят человеческим голосом, тех отнюдь не бери.

Пошла Маша в курятник. Не успела она войти в него, как поднялся шум и крик. Из всех лукошек яйца закричали: «Возьми меня, возьми меня!» Но Маша не забыла приказания старухи, и хоть яйца-болтуны были и больше и лучше других, она их не взяла; искала, искала и, наконец, нашла три яичка, маленькие, черненькие, но которые зато ни слова не говорили.

Вот старуха с Машей распрощалась.

– Ступай же, дитятко, – сказала она, – ничего не бойся, только не забудь под каждым деревом разбить по яичку.

Маша послушалась. Пришла к первому дереву, разбила яичко, и из яичка выскочил кувшин, ни дать ни взять такой, какой она поутру разбила. Она разбила второе яичко, и из яичка выскочил прекрасный дом со светлыми окошками и большое, большое поле, все усеянное сахарным тростником. Разбила третье яичко, и из яичка выскочила блестящая коляска. Маша села в коляску, приехала к тетке, рассказала ей, каким образом старуха в красной юбке сделала ее большою госпожою, рассказала и возвратилась в свой прекрасный дом со светлыми окошками и к своим сахарным тростникам.

Когда тетка узнала все это, зависть ее взяла, и она, не мешкая ни минуты, отправила свою дочку по той же дороге, по которой Маша ходила. Дочка также дошла до хлопчатого дерева и также увидела под ним старуху без головы, которая то же спросила у нее, что и у Маши: что она видит?

– Вот еще! Что я вижу! – отвечала тетушкина дочка. – Я вижу безголовую старуху.

Надобно заметить, что в этом ответе была двойная обида: во-первых, было невежливо напоминать женщине о ее телесном недостатке, а во-вторых, неблагоприятно: ибо могли бы это услышать белые люди и принять женщину без головы за колдунью.

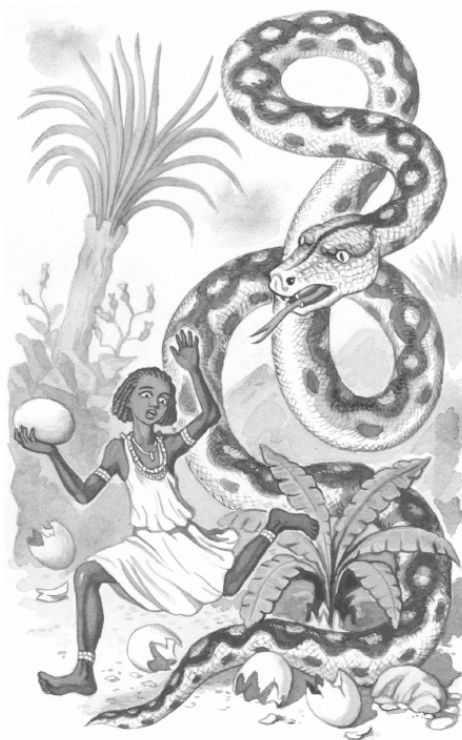
– Злая ты девочка, – сказала старуха, – злая ты девочка, и дорога тебе клином сойдется.

Не лучше случилось и под кокосовым деревом, и под красным. Увидевши старуху в красной юбке, тетушкина дочка мимоходом сказала ей:

– Здравствуй! – и даже не прибавила: бабушка⁸.

Несмотря на то, старуха ее также пригласила покушать пшена в избушке и также заметила ей не забыть черного кота. Но тетушкина дочка забыла накормить его, а когда старуха вошла, то не посоветилась уверять ее, что она накормила кота досыта. Старуха в красной юбке показала вид, будто далась в обман, и также послала маленькую лгунью в курятник за яйцами. Хоть старуха и два раза ей повторяла не брать яиц, которые говорят человеческим голосом, но упрямец не послушалась и выбрала из лукошек именно те яйца, которые болтали больше других; она думала, что они-то и самые драгоценные. Она взяла их и, чтоб скрыть их от старухи, не пошла больше в хижину, а воротилась прямо домой. Не успела она дойти до красного дерева, как любопытство ее взяло: не утерпела она и разбила яичко.

⁸ Между неграми считается за большое бесчестие, говоря с кем-нибудь, не называть его родственным именем, как, например: бабушка, тетушка, братец и проч. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

Что же? Смотрит, ан яичко пусто. Хорошо, если б этим и кончилось! Едва она разбила другое яичко, как из него выскочила большая змея, встала на хвост и зашипела так страшно, что бедная девочка пустилась бежать опрометью, запнулась на дороге о бамбуковое дерево⁹, упала и разбила третье яичко; а из него показалась старуха без головы и сердито проговорила:

– Если б ты была со мною вежлива, не обманула бы меня, то я бы тебе дала то же, что и твоей сестрице; но ты девочка непочтительная, да и притом обманщица, а потому будет с тебя и яичных скорлупок.

С сими словами старуха села на змея, быстро помчалась, и с тех пор на том острове больше не видали ни старухи, ни ее красной юбки.

⁹ Б а м б у к – род толстого тростника, который растет в виде дерева иногда так высоко, как тополь, и ветви которого поднимаются прямо вверх. В коленцах бамбука находят белую и чистую смолу, которую индейцы называют «бамбуковый сахар» и которая считается весьма целительною. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку.

– Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка, – сказал он.

Миша был послушный мальчик, тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-динь, – отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять; он ходил и к дверям, – не из другой ли комнаты? И к часам – не в часах ли? И к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже, и, наконец, за пригорком совсем скрылось, и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городе стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

– Папенька! Папенька, нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг. Этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький. Только пустите меня туда, мне так бы хотелось узнать, что там делается...

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живет?

– Кто там живет? Там живут колокольчики.

С сими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса. Миша удивился.

– Зачем эти колокольчики? Зачем молоточки? Зачем валик с крючками? – спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал:

– Не скажу тебе, Миша. Сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел над нею, смотрел, смотрел, думал, думал: отчего звенят колокольчики.

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотой головкой и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

Да отчего же, подумал Миша, папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди; видите, зовут меня в гости.

– Извольте, с величайшей радостью.

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему приплась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

– Позвольте узнать, – сказал Миша, – с кем я имею честь говорить?

– Динь, динь, динь, – отвечал незнакомец. – Я – мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решили просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь, динь, динь, динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды, чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды; там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите...

– Динь, динь, динь, – отвечал мальчик, – пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. В самом деле, с каждым шагом, казалось, своды поднимались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Динь, динь, динь, – отвечал проводник смеясь, – издали всегда так кажется; видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели: вдали все кажется маленьким, а подойдешь – большое.

– Да, это правда, – отвечал Миша, – я до сих пор не подумал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька, на другом конце комнаты, читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать! Тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит; а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня у окошка, а папенька сидит на другом конце у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что маменька правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке; очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил.

– Динь, динь, динь, как смешно! Динь, динь, динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь, динь, динь, динь, динь!

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

– Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову все говорите: динь, динь, динь!

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его – оно с неба сойдет, вкруг руки обойдет и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под

каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.